

Маркс, Энгельс и различные аспекты их аутентичного учения

(Ещё один маленький гвоздик в гроб коммунизма)

Коммунизм умер, но мечты о нём живут.

В этом мне пришлось в очередной раз убедиться всего лишь несколько дней тому назад на вечеринке в большой и довольно пёстрой компании. После нескольких тостов, отколе ни возьмись, вдруг возникла дискуссия о социализме из категории «что делать и кто виноват», прямо-таки в стиле Герцена и Чернышевского. Оно бы и хорошо: это, по крайней мере, куда забавнее, чем с вежливым недоумением выслушивать на каждом застолье уже набившие оскомину, но непременно кем-нибудь да расточаемые нудные рассуждения о перипетиях служебных свершений. Смущало одно - полное отсутствие общей отправной точки. Вообще-то, трудность определений – явление не новое. На туманность слова «социализм» давным-давно указывал ещё Лоренц фон Штейн, немецкий правовед, историк, экономист, советник японского правительства и автор идеи социального государства. В 1842 г. он издал замечательный труд: "Der Socialismus und Kommunismus des heutigen Frankreichs", где настаивал на необходимости дать термину «социализм» строго научное определение, в особенности подчёркивая важность самого резкого различия между социализмом и коммунизмом. Вряд ли является случайностью и тот факт, что вторая часть «Коммунистического манифеста» полностью посвящена жёсткой критике ряда альтернативных штаммов социализма и противопоставлению им учения Маркса и Энгельса как «единственно верного». Несмотря на столь энергичное отречение от соседних ветвей и корней генеалогического древа, марксовский коммунизм обнаруживает значительное сходство с давно знакомыми чертами утопического социализма Кампанеллы, Томаса Мора и даже Платона - во всяком случае, куда большее, чем социальное государство фон Штейна или рыночный социализм Прудона. Впрочем, ожесточённое размежевание разных политических доктрин не прекращается долгие годы уже после выхода «Манифеста», доходя подчас до прямого противостояния. XIX век, от начала и до исхода оставаясь веком бурного развития целого букета социалистических учений, так и не внёс ясности в вопрос об определениях. Впрочем, вне зависимости от убедительности тезисов и правдоподобия футурологических прогнозов, социалистические теории той эпохи отличались цельностью и прямоотой. Содержащиеся в них внутренние противоречия по преимуществу вытекали из добросовестных заблуждений, а не из преднамеренного подлога или тактических ухищрений. XX век добавил путаницы именно в силу того, что политические прагматики нового поколения не чурались лжи для достижения своих целей. В новых условиях терминологический беспорядок стал средством вербовки сторонников и присвоения чужих дивидендов, ибо, как известно, в борьбе за власть все средства хороши. Отсюда берут начало эрзац-определения великих мастеров пропаганды – легковёрные массы легко «проглатывают» сочетание несочетаемого. Возникает множество

идеологических подделок количественного и даже качественного порядков, например, ленинское низведение социализма от независимой политической доктрины к якобы начальной (и низшей) фазе коммунистической общественно-экономической формации. Таким же образом обстоит дело с гитлеровской идеей использования популистской терминологии для названия партии, которая носила имя «социалистической» и «рабочей», не будучи на деле ни тем ни другим. Всё вышесказанное, однако, не означает, что классификация невозможна. В сущности, весь спектр политических течений можно огрублённо свести к их взаимоотношениям с четырьмя-пятью предметами. Эти предметы – частная собственность, свободный рынок, отношение к принципу коммуны, отношение к концентрации власти в целом и государственному вмешательству в частности. Несколько отдельно стоит принцип перераспределения национального богатства, поскольку он может, с одной стороны, значительно варьировать между течениями схожей ориентации, а с другой - иметь сходные тенденции и даже параллели в течениях противоположной ориентации.

Не имея возможности в короткой заметке рассмотреть все политические течения, сосредоточимся на том их фланге, который принято называть «левым». «Социальное государство» Лоренца фон Штейна располагается в центре политического спектра и представляет собой наиболее умеренную позицию, не призывающую к разрушению «старого мира», а стремящуюся к эволюционному преобразованию общества через укрепление средств социальной защиты, гарантом которых является сильное, но демократическое государство. Сохраняется частная собственность и свободный рынок, индивидуализм не подавляется, семейный уклад не регламентируется. Ныне практически любая страна Западной демократии в большей или меньшей степени представляют собой социальное государство. К этой же категории относятся все те страны, на которые нередко вешается ярлык «скандинавского социализма». Да, в этих странах существуют мощный институт социальной защиты и, в общем-то, тяготеющая к социализму тенденция перераспределения богатства от более обеспеченных слоёв населения к менее обеспеченным. Но социализма, как такового, там нет. Почему нет? Да потому что, при всём разнообразии деталей, и в самом широком смысле социализм есть совокупность таких учений, которые проповедуют радикальное изменение хозяйственного правопорядка путём устранения частной собственности. Обычно к этому добавляется уничтожение рынка и свободной конкуренции и переход на «плановую экономику». Социализм Прудона в этом отношении был «серединным», компромиссным вариантом, отменяющим крупную частную собственность, но сохраняющим, тем не менее, свободный рынок. Примером подобного общественного устройства в некотором смысле являлась Югославия после Второй мировой войны. Ростки прудоновского учения появились также и в Чехословакии в конце 60-х годов XX столетия – так называемый «социализм с человеческим (в отличие от обычного - звериного) лицом». Прочие разновидности социализма тяготеют к тоталитарности, но тем не менее удерживаются от крайностей общественной регламентации. Коммунисты же, в отличие от социалистов, распространяют принцип коллективизма и вмешательства не только на производство и распределение, но и на потребление, пользование услугами и произведёнными продуктами, институт брака и частную жизнь, уничтожая тем самым индивидуальную свободу даже в мелочах быденной жизни. В теории, коммунизм общества «новых людей» на определённом отдалённом этапе развития перестаёт нуждаться в насильственной общественной регламентации, поскольку аппарат внешнего

принуждения заменяется «сознательностью». На практике все когда-либо существовавшие коммунистические эксперименты носили тоталитарный характер. Именно здесь проходит черта, резко отделяющая коммунизм от анархизма, несмотря на обманчиво схожую декларативность общих задач и наперекор неоднократным прецедентам, где коммунисты и анархисты формировали единый фронт оппозиции против правых.

Аналогично концепции «справедливого распределения» национального богатства, практика так называемого «этатизма», как более мягкого принципа концентрации власти, ограничивающегося контролем государства лишь над экономической сферой жизни, может быть использована в странах с самыми различными типами общественно-политического строя. В демократиях такая практика, как правило, не является постоянной, а с помощью «sunset clauses» - положений об истечении срока действия ограничена во времени и, кроме того, применяется только в специфических обстоятельствах (как, скажем, во время Второй мировой войны в Великобритании).

Используя те же категории, можно, при желании, систематизировать и все остающиеся партии – как партии центра, так и партии правого фланга. Разумеется, существует множество вариаций политических течений вследствие влияния других факторов, например, религиозных. Тем не менее, общая канва классификации сохраняется.

Вернёмся, однако, к нашей застольной дискуссии. В общем-то, я отдаю себе отчёт, что даже полное согласие по части политической терминологии может помочь лишь прояснению позиций сторон, но не способно привести к единству мнений. Считать иначе было бы верхом наивности. Мнения формируются не только рассудком, но и темпераментом, а за накалом страстей, в свою очередь, стоит жизненный опыт, зачастую обременённый личной привязанностью к носителям определённой идеологии. В этом нет ничего необычного. И всё же один рефрен, неизбежно всплывавший чуть ли не в каждом третьем высказывании защитников коммунизма, показался мне не только иррациональным, но и совершенно абсурдным. Дескать, да, исполнение марксовской мечты в СССР имело отдельные недостатки, но идея коммунизма сама по себе прекрасна, не правда ли? Если судить по собственным воспоминаниям об институтском курсе марксистско-ленинской философии, то коммунистический манифест и идеология марксизма в те времена вызывали у меня ассоциации с уставом какого-нибудь исправительного учреждения. Но всех подробностей я, конечно, уже не помнил, что и побудило меня перечислить «классиков» и свести их учение к нескольким основным пунктам во взаимосвязи с историческими истоками и практическим воплощением в жизнь. Результатом явилась приведённая ниже таблица. Разумеется, автор точно так же не лишён влияния личных склонностей и даже при самом скрупулёзном отношении к предмету исследования не может претендовать на полную объективность. В то же время я убеждён, что это может относиться лишь к тону комментариев, а суть и фактическая сторона марксистской теории и марксистской практики изложены здесь добросовестно и без искажений. Если же у кого-то найдутся веские основания для внесения фактических поправок, я обязуюсь рассмотреть любые контраргументы в их поддержку самым внимательным образом.

ТЕЗИС	ИСТОРИЧЕСКИЕ ИСТОКИ	В ТЕОРИИ МАРКСИЗМА	В ПРАКТИКЕ МАРКСИЗМА
<p>1. Классовая борьба</p>	<p>Многочисленные истоки от глубокой древности, не сводящиеся, однако, к одной только борьбе бедных против богатых.</p>	<p>«История всех до сих пор существовавших обществ была историей борьбы классов. Свободный и раб, патриций и плебей, помещик и крепостной, мастер и подмастерье, короче, угнетающий и угнетаемый находились в вечном антагонизме друг к другу, вели непрерывную, то скрытую, то явную борьбу, всегда кончавшуюся революционным переустройством всего общественного здания или общей гибелью борющихся классов». (Коммунистический манифест)</p> <p>Марксизм примитивизирует «исторический процесс», сводя его к классовому противостоянию. Всякий, кто даёт себе труд приглядеться и задуматься, знает, что</p>	<p>При том, что и в древней истории сословная борьба была крайне свирепой, с момента французской революции многократно возрастает число жертв. Это произошло вследствие многих причин - отчасти, например, из-за развития техники. Но во многом такая ожесточённость явилась результатом того, что социальные революции начали провозглашать утопические теории достижения царства полной справедливости и равенства через создание и воспитание «нового человека». Эти пустые формулы уже причинили и, возможно, ещё причинят людям больше зла, чем все естественные бедствия, на которые они были обречены в другие эпохи. Число жертв Французской революции – около 17 тысяч; число жертв марксистско-большевистской революции в России исчисляется уже миллионами. Для достижения «справедливости и равенства» с 1917 по 1959 год большевистской властью по самым скромным подсчётам было истреблено более 31 миллиона человек. В Камбодже строителями коммунизма под предводительством Пол Пота было уничтожено более 3 миллионов человек, т.е., приблизительно каждый четвёртый житель страны. Идея о «бесклассовом обществе», развивающемся по мере «отмирания буржуазных пережитков» не нашла ни малейшего подтверждения в реальной практике коммунистических (или каких-либо иных) государств.</p>

		история человечества представляет собой не только и даже не столько борьбу классов, сколько процесс становления развития и борьбы различных рас, наций, государств, религий и идей.	
2. Диктатура пролетариата	Нет.	«...первым шагом в рабочей революции является превращение пролетариата в господствующий класс, завоевание демократии... Пролетариат использует своё политическое господство для того, чтобы вырвать у буржуазии шаг за шагом весь капитал, централизовать все орудия производства в руках государства, т. е. пролетариата, организованного как господствующий класс, и возможно более быстро увеличить сумму производительных сил. Это может, конечно, произойти сначала лишь при помощи деспотического вмешательства в право собственности и в	На практике выражения «диктатура пролетариата», «кто был ничем, тот станет всем» были умело сформулированными лозунгами для индоктринации простодушных людей, готовых поверить в «светлые идеалы». Пролетариат, толпа, сборище шариковых явились не более чем орудием для захвата власти большевиками. Кто конкретно оказался у руля в России после свержения революционерами «эксплуататоров» с помощью толпы в октябре 1917 года? «Пролетариат» в лице истинных рабочих и крестьян: Ленина, Троцкого, Зиновьева, Каменева, Свердлова. Это ни в коем случае не искажение марксовских идей, напротив, члены первого советского политбюро являются последовательными марксистами. Достаточно посмотреть на личную переписку Маркса и Энгельса, где им не нужно было особо прикидываться защитниками рабочих и идеи равенства (Собрание сочинений, тома 21 - 24). Например, письмо Маркса Энгельсу от 10.08.1869: <i>«Какое имеет значение «партия», то есть банда ослов, слепо верящих в нас, потому, что они считают нас равными себе...»</i> Маркс Энгельсу от 25.02.1859: <i>«Ну а любить ведь нас никогда не будет демократическая, красная или даже коммунистическая чернь».</i> Энгельс Марксу от 13.02.1851: <i>«...глупый вздор насчёт того, как пролетариат вынужден защищать меня от той бешеной ненависти, которую питают ко мне рабочие (то есть болваны)».</i>

		буржуазные производственные отношения». (Коммунистический манифест)	В настоящее время прослойка населения, которая могла бы соответствовать марксовскому определению «пролетариата», практически исчезла во всём мире.
3. Равенство	<p>Многочисленные истоки от глубокой древности, включая, например, религиозные принципы ислама и христианства (внутри конфессии). В эпоху Возрождения и в эпоху Просвещения концепция социального равенства обретает светский характер, и философия задаётся вопросом о природном равенстве людей. Ключевая проблема соотношения между идеями равенства и свободы с одной стороны и равенства и справедливости с</p>	<p>На место старого буржуазного общества с его классами и классовыми противоположностями приходит ассоциация, в которой свободное развитие каждого является условием свободного развития всех. (Коммунистический манифест)</p>	<p>Несмотря на декларацию равенства, фактически во всех коммунистических режимах не просто проводился в жизнь принцип неравенства, а активно реализовалась дискриминация. Например, в советском варианте коммунизма человек дворянского происхождения автоматически причислялся к «врагам трудового народа» и поражался в правах, а пролетарии, всякого рода низы и даже уголовники («социально близкие», по определению большевиков) прославлялись как представители самого передового прогрессивного класса - авангарда мирового коммунизма. Следует заметить, что с момента прихода к власти ревизиониста Хрущёва критерии расслоения заметно отклоняются от «социального происхождения» в сторону партийности, особенно номенклатурной принадлежности. Никакого равенства, однако, так и не наступает.</p>

	<p>другой, впервые выдвинутая Токвилем, до сих пор не имеет самоочевидного решения. Личная свобода и всеобщее равенство подразумевают наложение определённых ограничений ради блага и самого индивида, и общества. Неограниченная личная свобода восстаёт против всеобщего равенства, а безусловное равенство – уравниловка – восстаёт против личной свободы и социальной справедливости.</p>		
<p>4. Отмирание государства</p>	<p>Нет. (Если только не считать состояния природной дикости</p>	<p>Маркс и Энгельс утверждали, что при коммунизме надобность в государстве отпадёт, поэтому по мере</p>	<p>Лозунг «государство рабочих и крестьян» в течение всей истории после большевистской революции прикрывал власть узкой шайки узурпаторов. Суть реальной власти в СССР закрывалась ширмой безальтернативных выборов и огромных Верховных Советов, где в</p>

	<p>примитивных народов.)</p>	<p>строительства коммунизма пролетарское государство постепенно само отмирает, хотя это и не означает отмирания всякой общественной власти вообще. Им вторит Ленин: «Мы не утописты и нисколько не отрицаем возможности и неизбежности эксцессов отдельных лиц, а равно необходимости подавлять такие эксцессы. Но, во-первых, для этого не нужна особая машина, особый аппарат подавления, это будет делать сам вооружённый народ. А, во-вторых, мы знаем, что коренная социальная причина эксцессов, состоящих в нарушении правил общежития, есть эксплуатация масс, нужда и нищета их. С устранением этой главной причины эксцессы неизбежно начнут отмирать. С их отмиранием отомрёт и государство»</p>	<p>депутатах сидели доярки, оленеводы, академики, артисты и прочие холуи режима. По команде вся эта компания поднимала руки и единогласно голосовала за решения, давно уже принятые государственной верхушкой. Таким образом указания политбюро становились легитимными якобы решениями народа. Как бы то ни было, но пока советская верхушка имела реальную власть, сохранялся и мощный репрессивный механизм без каких бы то ни было признаков «отмирания». Ирония предсказания Маркса и Энгельса относительно отмирания государства заключается в том, что к моменту августовского путча 1991 года коммунистическое государство уже действительно отмерло. Ни военнослужащие, дававшие присягу советской власти, ни даже сами партийцы не пошевелили и пальцем, чтобы спасти разваливающийся коммунистический режим. Начиная с начала шестидесятых годов, «отмирание» начало происходить, с одной стороны, внутри правительства, в результате массовой коррупции и отхода от принципов марксизма, а с другой стороны – в широких слоях населения, как запоздалая реакция на десятилетия лжи.</p>
<p>5 Диалектическая</p>	<p>Саму идею диалектики Маркс</p>	<p>По Марксу, субъект и объект, познающий и познаваемая</p>	<p>Маркс, очевидно, не видел никакого противоречия в том, что коммунизм должен явиться завершающей стадией развития</p>

<p>логика и диалектический материализм</p>	<p>заимствовал у Гегеля. Гегель её заимствовал у Геродота, а Геродот, в свою очередь, - у древних ведических мудрецов.</p>	<p>вещь находятся в непрерывном процессе взаимного приспособления. Маркс называет этот процесс «диалектическим», потому что он никогда не завершается полностью.</p>	<p>человеческого общества, хотя, «диалектический процесс», предположительно, никогда не завершается. Маркс нигде и ничем не обосновывает внятно своей идеи о том, почему именно с наступлением коммунизма процесс общественного развития должен прекратиться - это одно из нескольких аксиоматических положений, содержащихся в его теории. На практике же использование «диалектики» позволяло коммунистам легко менять свои убеждения на противоположные, не обременяясь излишними объяснениями и оправдательными обстоятельствами. Примеров множество – как в первые годы советской власти (Брестский мир, продрозвёрстка, НЭП), так и впоследствии (сталинское «усиление классовой борьбы», хрущёвско-брежневское «мирное сосуществование»). Любые указания оппонентов на противоречия и абсурды марксизма элементарно отбивались с помощью демагогических заявлений: «Абсурды? Противоречия? Ну и что? А что вы хотите? Это диалектика». Замечательна история Оруэлла, оставившего на несколько минут заседание комитета компартии Великобритании, членом которого он являлся, чтобы сходить в туалет. Вернувшись, он был поражён произошедшей переменой: проклятия и обвинения в адрес Гитлера сменились лестью и славословиями. Причина заключалась в получении известий о подписании договора о ненападении между СССР и Германией и инструкций Москвы о прекращении критики Германии и её правительства. Этот вопиющий и в то же время забавный случай, кстати говоря, заставил Оруэлла заявить о своём выходе из партии.</p>
<p>6. «Неизбежные законы общественного развития»</p>	<p>Как и в случае с диалектической логикой и диалектическим материализмом Маркс позаимствовал эту</p>	<p>Точка зрения марксизма: социализм как государственное устройство является определённой фазой эволюции человеческого общества, неизбежно приходящей на</p>	<p>В интерпретации Гегеля, дух направляет человеческую историю по пути развития, стадиями которого являются определённые категории из гегелевской логики. Почему дух должен проходить через эти стадии, не вполне ясно, если только не предположить, что дух, начитавшись гегелевской философии, методично внедряет идеи Гегеля в практику. Маркс заменил движущую силу духа силой материи, но не классической материи атомистов, а материи, взаимодействующей с</p>

	<p>идею у Гегеля. Гегель верил в мистическую сущность, называемую «духом». Маркс заменил гегелевский «дух» способом производства.</p>	<p>смену капитализму, по мере как тот достигает определённого уровня развития. Социализм как учение является мировоззрением пролетариата (который сам порождается капитализмом) и одновременно – результатом научного анализа, научным доказательством исторической предопределённости социалистического государственного уклада.</p> <p>Ленин: «...социализм происходит из капитализма, исторически развивается из капитализма, является результатом действия такой общественной силы, которая рождена капитализмом».</p>	<p>человеком в способе производства. Маркс декларировал, что человечество не имеет иных альтернатив, кроме замены капитализма социализмом. По Марксу, развитие производительных сил совершенно неизбежно ведёт к победе коммунизма и уничтожению частной собственности. Отметая всякие этические или гуманистические причины для предпочтения социализма, он сочетал это с убеждением, что «диалектическое» движение должно быть в некотором безличном смысле прогрессивным. На практике, однако, Маркс выступал приверженцем политики насильственного свержения общественного строя, а также приверженцем доктрины господствующего класса, что плохо согласуются с его декларациями беспристрастности.</p> <p>Детерминированность исторического процесса, постулируемая марксизмом, противоречит его же призыву к прямому воздействию людей на историю через восстание пролетариата. Это, по определению Штамллера, равносильно волевому решению человека вертеться вместе с Землёю вокруг Солнца. С.Булгаков переформулирует эту фразу таким образом: «марксизм предсказывает наступление социализма, как астрономия предсказывает лунное затмение, но для осуществления этого лунного затмения организует коммунистическую партию». Хотя Маркс провозглашал себя атеистом, он придерживался космического оптимизма, который может быть оправдан только теистически. Все элементы философии Маркс позаимствовал у Гегеля, и все они не являются научными в том смысле, что нет никаких оснований полагать их истинными.</p>
<p>7. Уничтожение частной собственности</p>	<p>Множество безуспешных попыток, начиная с глубокой древности.</p>	<p>«Коммунисты могут выразить свою теорию одним положением: уничтожение частной собственности». (Коммунистический манифест)</p>	<p>В экономическом смысле абсолютно все известные истории прецеденты уничтожения частной собственности заканчивались печально. И это не случайность, поскольку здесь затрагиваются глубочайшие инстинкты человека. Уже Аристотель, изучив коллективистский проект «Государства» Платона, выступил в книге «Политика» в 323 до Р. Х. с утверждением о гибельности пути развития общества, основанного на принципах единства, обобществления и</p>

			<p>ликвидации собственности. Поскольку общество, писал Аристотель, по своей природе состоит из разнородных элементов, их слияние, чрезмерное единение ведут к упадку, как замена симфонии одной нотой кладёт конец музыке. По натуре человек меньше заботится об общем достоянии, чем о своём, к тому же, рассчитывая, что другой займётся общим делом, каждый прикладывает к нему меньше усилий. Основные мотивы человека – собственность и личный интерес – не приняты во внимание в сообществе Платона, и образ жизни в нём будет для людей нестерпимым. Таковы выводы Аристотеля. Сравнение социализма утопистов с опытом строительства социализма в СССР показывает, что никакого извращения якобы прекрасной идеи не имело места. Социализм был чудовищем при рождении, с его борьбой за превращение частной собственности в общественную, с его экспроприацией всех классов собственников – не только капиталистов, но и всей массы собственников-тружеников: крестьян, ремесленников, торговцев, представителей свободных профессий и независимых работников, – к которым можно отнести подавляющее большинство населения. Организованное насилие одного класса над всеми иными, крайний централизм, террор, принудительный труд, тотальная власть государства, единственной партии, железная дисциплина, контроль за инакомыслием – таков набор средств, взятых социализмом на вооружение для достижения своей цели - разрыва с природой человека, с историей человеческой цивилизации и закономерностями естественного развития. К несчастью, обанкротившаяся идея социализма, стоившая миллионов жертв в различных странах, все ещё не совсем отброшена, несмотря на отсутствие хотя бы одного положительного примера развития коммунистического государства. Особенно интересно в этом отношении сравнение стран с одинаковым или очень похожим этническим составом, но отличающихся социальным строем – Восточной Германии и Западной, Северной Кореи и Южной. Уничтожение частной собственности и введение уравниловки для людей, неравных по достоинствам, по способностям,</p>
--	--	--	--

			<p>по энергии, по бережливости и т. д., лишает их хозяйской инициативы и заинтересованности, является вопиющей несправедливостью, концом совершенствования людей и общества, смертью прогресса и свободы, началом деспотизма и нищеты. Экономический гигант, которым была Российская империя в начале XX века, за годы советской власти стал карликом, едва различимым на экономической карте мира. Социализм превратил одну из богатейших стран планеты в бедную озлобленную побирушку, живущую на подаяния международного сообщества и шантажирующую его своим ядерным оружием. В этом отношении очень интересно высказывание о Сталине, приписываемое Черчиллю и пущенное в обиход преподавательницей Ленинградского технологического института Ниной Андреевой в нашумевшей публикации письма «Не могу поступаться принципами» (газета «Советская Россия», 13 марта 1988 года): «Сталин принял Россию с сохой, а оставил с атомной бомбой». Сейчас речь не о том, что приведённая цитата – коммунистическая фальшивка, поскольку Черчилль ничего подобного никогда не говорил. Имеется один весьма любопытный иронический аспект этого высказывания – Сталин, как и его последователи, действительно оставили Россию с атомной бомбой. Но без продовольственного достатка, с отсталой бытовой техникой, с неадекватным количеством некачественного жилья, с плохими копиями иностранных автомобилей и, вообще, с плохим всем, что только не касалось вооружения и военных арсеналов. Одним словом, без сохи. Кстати, мой дедушка тоже высказывался в духе легенды о Виссарионыче, правда, с другими акцентами и несколько раньше, в середине восьмидесятых: «Без штанов, зато с ракетами!» Впрочем, не забыть бы главного: при царе в космос не летали, и телевизоров не было. Позор царскому режиму!</p>
<p>8. Экспроприация</p>	<p>В истории нет примеров полного отчуждения земель</p>	<p>«Экспроприация земельной собственности.» (Коммунистический</p>	<p>В большинстве социалистических стран в большей или меньшей степени осуществлялся принцип экспроприации земельной собственности. Нужно отметить чисто большевистскую</p>

<p>земли</p>	<p>в пользу государства.</p>	<p>манифест)</p>	<p>беспринципность (если подразумевать под этим верность политическим принципам в противовес приоритету захвата и удержания власти любой ценой, включая ложь и полное пренебрежение к жертвам насилия). Традиционно придерживаясь принципа полной экспроприации земли, ВКП(б), тем не менее, в 1917 году крадёт эсеровский лозунг «Земля – крестьянам», поскольку только он мог обеспечить поддержку крестьянства в преимущественно аграрной России во время большевистского переворота и последовавшей за ним гражданской войны. По мере укрепления власти коммунисты беззастенчиво возвращаются к идее экспроприации земли и уничтожению крестьянства как класса мелких собственников (смотри выше - графа «диалектическая логика»), превратив колхозников в подобие рабов. Любители истории могут поинтересоваться эволюцией законов о крепостном праве и убедиться в том, что на определённом этапе своего развития крепостное право было очень похоже на положение колхозников в период до выхода указа 1958 года о выдаче колхозникам паспортов. Фактически выдача паспортов во многих регионах не происходила до 61-62 годов. Шестьдесят с лишним миллионов человек до этого ходили без паспортов и кланчили у советских барчуков письменное разрешение на отлучку от своего хлева. Задержанного без этой бумажки в первый раз ожидал большой штраф, а потом 1-2 года тюрьмы. Чем не побег крепостного от барина? Кроме этого, до конца 60-х государство не платило колхозникам никаких, даже минимальных, пенсий.</p>
<p>9. Ценообразование</p>	<p>Многочисленные предшественники с древности. Непосредственные предтечи (или даже источники плагиата) – Локк,</p>	<p>Теория прибавочной стоимости Маркса базируется на оценке стоимости, как овеществлённом труде, которая предполагает, что стоимость товара не зависит от спроса и предложения и</p>	<p>Подавляющее большинство современных экономистов и историков, анализировавших наследие Маркса в области экономики, не считает научную значимость его работ высокой. Французский экономист Жак Аттали, который симпатизирует Марксу и пропагандирует его учение, тем не менее полагает, что Маркс так и не смог доказать основных положений своей экономической теории: трудовую теорию стоимости, теорию прибавочной стоимости и «закон понижения нормы прибыли»</p>

	<p>Смит, Рикардо.</p>	<p>определяется количеством вложенного труда Прибавочная стоимость, по Марксу, создаётся исключительно в сфере производства, а не в сфере обращения. Она существует при любом производстве и служит источником налогов и накопления. Но лишь при капитализме она получает своё окончательное развитие в форме прибыли, которая становится самостоятельной целью производства. Источником прибавочной стоимости, по Марксу, является продолжение потребления рабочей силы дольше того времени, в течение которого воспроизводится её собственная стоимость. «Цена всякого товара, а, следовательно, и труда, равна издержкам его производства». (Коммунистический манифест) Оценка справедливости ценообразования вытекает из понимания того, как это</p>	<p>при капитализме, — хотя и упорно пытался это сделать, в течение 20 лет собирая экономическую статистику и изучая алгебру. Таким образом, по мнению Аттали, эти ключевые положения остались недоказанными гипотезами. Между тем, именно эти гипотезы являлись краеугольными камнями не только марксистской политекономии, но и марксистской классовой теории, а также марксистской критики капитализма - по Марксу, эксплуатация рабочих заключается в том, что капиталисты присваивают прибавочную стоимость, созданную рабочими. В первом томе «Капитала» Маркс достаточно подробно пытается обосновать, почему труд не является обычным товаром. Рабочая сила, как специфичный товар, имеет принципиальные отличия для нужд производства по сравнению с любым другим товаром — все товары лишь переносят свою стоимость на конечный продукт, а товар «рабочая сила» этого не делает, зато создаёт новую стоимость. Вот что говорит по этому поводу Стенфордская философская энциклопедия: «Утверждение Маркса, что только труд может создавать прибавочную стоимость, не основано на какой-либо аргументации или анализе, и можно считать этот тезис просто элементом его личных представлений. Любой товар можно было выбрать на подобную роль. С равным основанием можно было бы изложить кукурузную теорию стоимости, утверждая, что в тех изделиях, где используется кукуруза, она обладает уникальной силой создания большей стоимости, чем она сто́ит. Формально такая теория будет идентична трудовой теории стоимости».</p> <p>Следует отметить, что, несмотря на формальное следование теории прибавочной стоимости и жёсткий догматизм коммунистического режима, этот элемент марксовской экономики никогда не был реализован в СССР на практике. То есть ценообразование никогда не базировалось ни на потребностях рынка, ни на издержках производства. Казалось бы, советское правительство, не выполнившее один из абсурдных заветов Маркса, заслуживает слова в свою защиту и</p>
--	-----------------------	--	---

		<p>ценообразование должно происходить. По марксизму, цены складываются из затрат плюс какая-то рентабельность. Экономист, имеющий дело с рынком, понимает, что цена - это результат соотношения спроса и предложения, и понимает, что в условиях рынка цена не складывается (как у Маркса), а раскладывается. То есть цену товара не надо ни из чего складывать, цена товара определяется рыночной конъюнктурой. Важно разложить эту цену на затраты. Чем меньшую долю цены составят затраты, тем больше прибыль. Если себестоимость превышает рыночную цену, можно товар не выпускать, никто твои затраты складывать не будет, они никого не интересуют. У Маркса цены затратные, и именно это являлось одной из ключевых причин неэффективности советской экономики. Фактически экономика</p>	<p>поддержку, поскольку при определённых обстоятельствах государство обязано регулировать цены независимо от издержек на производство. Но ценообразование - дело тонкое. В СССР цены были настолько перепутаны, что практически ни одна из них не отражала объективную цену товара ни в рыночном, ни в затратном смысле. Например, в области сельского хозяйства, особенно после коллективизации, Сталин и все его коммунистические последователи душили крестьянство низкими ценами, зачастую ниже себестоимости. Например, государственная закупочная цена килограмма мяса в убойном весе составляла в 1948 году 55 копеек, литра молока – 14 копеек. Это было примерно 10-12% от себестоимости производства 1 килограмма мяса и 1 литра молока. Килограмм зерновых государство закупало по 11 копеек, картофеля – 5 копеек, овощей – 7 копеек. Себестоимость 1 кг. зерна при этом составляла от 1,3 до 2 рублей, картофеля – около 55-65 копеек. Даже в 1958 году, когда закупочные цены были уже в 7-10 раз выше (1 кг. зерна – 70 копеек, 1 кг. картофеля – 40 копеек, овощей – 55 копеек), колхозы несли убытки с каждой тонны зерна – 1400 рублей, картофеля – 130 рублей, овощей – 1200 рублей. Продажа на сторону по более высокой цене считалась спекуляцией и каралась тюрьмой. Хлопок, рис, чай, цитрусовые требуют близких с картофелем трудозатрат, поэтому цены на них во всем мире примерно одинаковы. Если даже цены и отличаются (в случае неурожая и т.д.), то не более чем в два-три раза. Только в СССР картофель был в 20 раз дешевле апельсинов и в 35 раз дешевле лимонов. В результате такой ценовой политики рентабельность сельского хозяйства в СССР была положительной только у приблизительно 20% колхозов, в целом же по стране сельское хозяйство было нерентабельным. Если в дохрущёвские времена подобная ценовая политика ещё могла быть оправдана (если не экономически, то хотя бы политически) претензией на насаждение коммунизма во всём мире военными средствами и соответствующей ориентацией экономики страны на приоритет тяжёлой и средней промышленности, то в последующие годы ценовой хаос был выгоден</p>
--	--	---	--

		<p>оперирует полезными ценами, то есть цена товара определяется не тем, сколько затрачено на его производство, а полезностью товара перед потребителем. Потребителю безразлично, какова себестоимость товара. Ему важен результат, то есть конечная стоимость и полезность товара.</p>	<p>только тем, кто сидел на дефиците и на распределении.</p> <p>В области потребительского рынка следствиями ценового хаоса были:</p> <ul style="list-style-type: none"> --постоянный дефицит всего и вся; --бесконечные изнуряющие и одуряющие очереди; --паразитическая спекуляция (спекулянты «исправляли» ошибки советских экономистов и переводили государственные цены в цены спроса и предложения, но производители не могли получить эту разницу за созданные ими товары); --низкая рентабельность производства; --уровнировка и отсутствие стимулов к хорошему труду; --деградация людей, общества и государства. <p>У приезжающих из капитализма людей (даже у наших «гвинейских друзей», как их называл Высоцкий) общее представление о коммунизме было очень простым: коммунизм - это дефицит и очередь. Причиной такого представления были советские государственные цены.</p>
<p>10. Уничтожение рынка и введение системы централизованного планирования</p>	<p>Многочисленные утописты, иезуиты в Парагвае.</p>	<p>Один из программных пунктов «Манифеста коммунистической партии».</p>	<p>В СССР насаждение теории Маркса в 1930-е годы сопровождалось разгромом отечественной экономической школы мирового класса (Николай Кондратьев, Василий Леонтьев, Александр Чаянов). В 1950-е годы марксистские догмы (опережающее развитие тяжёлой промышленности, неизбежность краха мирового капитализма и т.д.) помешали трансформации советской военной экономики в экономику, ориентированную на потребности населения (план Маленкова), и в какой-то мере способствовали начавшейся гонке вооружений. Маркс и вслед за ним Ленин настаивали на том, что коммунизм неминуемо придёт на смену капитализму прежде всего в силу того, что первый способен обеспечить более высокую производительность труда, чем второй. Это было одной из основных ошибок марксистского учения о коммунизме. Практика показала, что экономика с глубоким разделением труда может функционировать только плюралистическим и децентрализованным образом. Социализм по самой своей природе не</p>

			<p>способен выдержать экономическое состязание с капитализмом, СССР это наглядно продемонстрировал своим примером. В 1980-е годы, когда фиаско коммунистической экономики стало очевидным, господство марксистского догматического мышления не позволило выработать продуманную концепцию рыночных реформ перестройки, что отчасти предопределило негативные последствия этих реформ и распад страны.</p>
<p>11. Уничтожение семьи. Разрыв связей родителей и детей через государственное воспитание детей.</p>	<p>Платон, Аристофан, Кампанелла. Диалог из «Законодательниц» Аристофана: <i>Праксагора</i></p> <p>Все передать он обязан на общее благо. Для всех будет общим хозяйство... Знай, и женщин мы сделаем общим добром, чтоб свободно с мужчинами спали И детей, по желанью, рожали от них.</p> <p><i>Блепир</i></p> <p>Если этак вот будем мы жить сообща, как сумеет Детей</p>	<p>Уничтожение семьи вследствие отмены «узаконенной проституции» (Коммунистический манифест) буржуазного брака, как это называют К.М и Ф.Э.</p> <p>«Но вы утверждаете, что, заменяя домашнее воспитание общественным, мы хотим уничтожить самые дорогие для человека отношения. А разве ваше воспитание не определяется обществом?» (Коммунистический манифест)</p> <p>«В числе первых мероприятий, которые должны быть осуществлены немедленно после революции, мы находим:</p>	<p>Несмотря на понимание большевиками первостепенной важности пропаганды, принцип государственного воспитания детей проводился лишь ограниченно - в школах, кружках, в составе октябрятских, пионерских и комсомольских организаций. Провал коммунистического эксперимента и последовавший с середины 50-х годов откровенный ревизионизм марксизма, к счастью, не дал советской власти достроить до конца окружённый кольцами «Берлинских стен» и колючей проволоки «город Солнца», где государство взяло бы на себя роль отца и матери, полностью отстранив биологических родителей от влияния на ребёнка.</p>

	<p>своих каждый различать, расскажи!</p> <p><i>Праксагора</i></p> <p>А зачем различать? Будут дети своими отцами Всех считать, кто по возрасту годен в отцы, кто постарше годочков на двадцать.</p>	<p>...8. Воспитание всех детей с того момента, как они могут обходиться без материнского ухода, в государственных учреждениях и на государственный счёт»</p> <p>Ф. Энгельс, «Принципы Коммунизма», (3, т. V, с. 475). В резолюции Женевского конгресса Интернационала Маркс развивает эту мысль: "всякий ребёнок, начиная с девяти лет, должен быть производительным работником..."</p> <p>«С переходом средств производства в общественную собственность индивидуальная семья перестанет быть хозяйственной единицей общества. Частное домашнее хозяйство превратится в общественную отрасль труда. Уход за детьми и их воспитание станут общественным делом; общество будет одинаково заботиться обо всех детях,</p>	
--	---	--	--

		<p>будут ли они брачными или внебрачными. Благодаря этому отпадёт беспокойство о "последствиях", которое в настоящее время составляет самый существенный общественный момент, – моральный и экономический, – мешающий девушке, не задумываясь, отдаваться любимому мужчине».</p> <p>Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства. – Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 21, с. 78-79.</p>	
<p>12. Общность жён</p>	<p>Многочисленные прецеденты античного и утопического социализма, как в теории, так и на практике: Платон, Аристофан, богемские «адамиты», анабаптисты, Мюнцер, Бокельзон.</p>	<p>«Буржуазный брак является в действительности общностью жён. Коммунистам можно было бы сделать упрёк разве лишь в том, будто они хотят ввести вместо лицемерно-прикрытой общности жён официальную, открытую».</p> <p>(Коммунистический манифест) Согласитесь, каждая буква словосочетания «общность жён» так и дышит идеей</p>	<p>В практике большевистской революции России общность жён, хотя и декретировалась и насильственно осуществлялась отдельными местными властями в первые годы после революции, не имела массового распространения. Принцип общности жён массово проводился в коммунистической Камбодже, правда, не очень долго.</p>

		равенства полов!	
13. Отмена права наследования	Исторических истоков нет, если не считать средневекового «права мёртвой руки», согласно которому феодал имел право изъять после смерти крестьянина часть его имущества или её стоимость в деньгах.	Отмена права наследования – один из программных пунктов «Манифеста коммунистической партии».	Одним из первых советских юридических актов был «Декрет об отмене права наследования», изданный 27 апреля 1918 года: «Наследование как по закону, так и по духовному завещанию отменяется. После смерти владельца имущество, ему принадлежавшее (как недвижимое, так и движимое), становится государственным достоянием Российской Социалистической Советской Федеративной Республики». Впрочем, практическое значение документа было невелико, поскольку так называемые «эксплуаторские элементы» были экспропрированы, т. е. лишены собственности и без отмены наследования. Вследствие этого в 1922 году «Декрет об отмене права наследования» был отменён, хотя ограничения на общую сумму наследства сохранились
14. Конфискация имущества всех «мятежников»	Множество исторических прецедентов	Один из программных пунктов «Манифеста коммунистической партии».	Какой бы дикостью ни казался пункт Манифеста о конфискации, следует отметить, что в разграблении имений, вотчин и городов поверженного врага нет ничего необычного, как нет ничего радикально нового и в юридически оформленной конфискации имущества «бунтовщиков» - противников власти. С исторической точки зрения это, пожалуй, самый тривиальный пункт «Манифеста коммунистической партии». Декрет французского революционного Конвента, изданный в 1793 г, гласит: «Статья 6. Священники, бывшие дворяне, сеньоры, а также служащие и прислуга всех этих лиц; иностранцы; лица, занимавшие или занимающие какие-либо общественные должности как при прежнем правительстве, так и со времени революции; лица, подстрекавшие или поддерживавшие заговорщиков; главари, подстрекатели и лица, виновные в убийстве, поджоге, или грабеже, – подлежат смертной казни. Что же касается до остальных задержанных, то они будут подлежать дальнейшему содержанию под стражей и их судьба будет решена лишь после

			<p>издания специального на этот счёт декрета Национального Конвента. Статья 7. Смертная казнь, применённая в согласии с постановлениями настоящего закона, влечёт за собой конфискацию всего имущества. Конфискованные имущества пойдут на содержание отцов, матерей, жён и детей, не имеющих достаточных средств для своего прокормления; кроме того, доходы с этих имуществ будут употреблены на возмещение убытков лиц, пострадавших от действий восставших». Во время гражданской войны 1861-1865 годов в США правительство Линкольна не только ввело всеобщую воинскую повинность и провело аресты среди «меднолобых», как называли крупных капиталистов, которые вели агитацию против войны и воинской повинности, но и издало законы о конфискации имущества мятежников. Нет ничего удивительного, что и большевистская революция в России, и практически все последующие массовые пределы власти в результате государственных переворотов и «освободительных движений» сопровождались конфискациями, проводимыми в больших или меньших масштабах. Привлекательность «законных» конфискаций, в отличие от грабежа и мародёрства, заключается в том, что люди, объявленные «мятежниками», равно как их сторонники и родственники, легитимно лишаются материальных средств для организации борьбы против властей, власть же, напротив, укрепляется за счёт конфискаций.</p>
<p>15. Централизация кредита</p>	<p>Нет</p>	<p>«Централизация кредита в руках государства посредством национального банка с государственным капиталом и с исключительной монополией». (Коммунистический</p>	<p>Кредит, по словам Маркса, это «новое и страшное орудие в конкурентной борьбе», которое превращается «в колоссальный социальный механизм для централизации капиталов». Чем же кредит устроил Маркса? А вот чем. «Концентрация и централизация капитала, возникновение монополий и разветвлённой финансовой системы вызвало к жизни мощный механизм использования общественных фондов накопления. Важную роль в этом процессе сыграло акционирование капитала, в результате чего в процессе накопления своими доходами участвуют не только предприниматели,</p>

		манифест)	но и большинство населения». (Архипов А.И. Экономический словарь, 2-е издание) Маркс, нужно отдать ему должное, предвидел, что развитие финансовой системы несёт опасность превращения широких масс, независимо от их «классовой принадлежности», в фактических капиталистов. Такое развитие событий, губительное для коммунистической идеи, необходимо было прекратить, и важности централизации кредита для общей консолидации власти отдавали должное все последователи Маркса. Проблема, однако, состоит в том, что спрос, даже противозаконный с точки зрения властей, рождает предложение. Так происходило с подпольной продажей спиртного в США времён сухого закона, и так же обстояло дело с валютными операциями и потребностями кредитования в СССР. Интересная параллель заключается в том, что и в том и в другом случае запреты способствовали утрате контроля государства над денежными потоками, быстрому росту теневой экономики и последующему значительному влиянию организованной преступности на пути развития этих стран.
16. Централизация транспорта	Нет	«Централизация <i>всего</i> транспорта в руках государства». Коммунистический манифест	Отчасти осуществлялась в СССР, особенно в годы коллективизации, но никогда не проводилась в полном масштабе. Причиной подобной робости было то, что глупость этой меры смутно подозревали даже самые твердолобые коммунисты.
17. Насильственное свержение правительства и узурпация власти	Кажется, не существует исторических прецедентов декларации насильственного захвата власти как единственной альтернативы. Даже древний, как мир,	«Коммунисты считают презренным делом скрывать свои взгляды и намерения. Они открыто заявляют, что их цели могут быть достигнуты лишь путём насильственного ниспровержения всего существующего общественного строя».	В последнее, особенно постсоветское, время появилось много спекуляций на тему о том, что Маркс, Энгельс и Ленин предсказывали постепенный бескровный переход к коммунизму и были чуть ли не сторонниками и теоретиками конвергенции. Мне не удалось найти в их произведениях ни одного посылка для обоснования подобной точки зрения. В то же время труды классиков марксизма и особенно их переписка изобилуют высказываниями противоположного смысла. Иногда даже создаётся искушение предположить, что известное изречение Маркса о насилии как повивальной бабке истории является не столько констатацией, сколько прямым призывом к действию. Ниже

	<p>лозунг «победа или смерть» звучит мягче, предполагая лишь готовность воина в крайнем случае принести свою жизнь на алтарь общей победы.</p>	<p>(Коммунистический манифест)</p>	<p>приведено несколько интересных цитат.</p> <p>«Лишь со вздохами и стонами допускает он (Дюринг) возможность того, что для ниспровержения эксплуататорского хозяйничанья понадобится, может быть, насилие – к сожалению, извольте видеть, ибо всякое применение насилия деморализует того, кто его применяет. И это говорится, несмотря на тот высокий нравственный и идейный подъем, который бывал следствием всякой победоносной революции» (Ф. Энгельс. Анти Дюринг. Москва, 1965 с. 185)</p> <p>«Дорогой Энгельс! Только что получил твоё письмо, которое открывает очень приятные перспективы торгового кризиса» (Маркс Энгельсу – 3, т. XXI, с. 228).</p> <p>«Теперь хорошо бы ещё в будущем году иметь плохой урожай на зерно, и тогда начнётся настоящая музыка» (Энгельс Марксу – К. Маркс, Ф. Энгельс. Сочинения. Москва-Ленинград, 1929–1931, т. XXII, с.450).</p> <p>«...на рынке улучшение настроения. Будь проклято это улучшение!» (Энгельс Марксу – там же, т. XXII, с. 295).</p> <p>«Здесь могут помочь только два три очень плохих года, а их-то, повидимому, не так легко дожидаться» (Энгельс Марксу – там же т. XXII, с.360).</p> <p>«Наше отечество являет крайне тяжёлое зрелище. Без побоев извне с этими собаками ничего не поделаешь» (Маркс Энгельсу – там же, т. XXIII, с. 162).</p> <p>«Черт бы побрал эти народные движения и в особенности, если они ещё pacifique (мирные)». (Маркс Энгельсу – там же, т. XXI,с.328).</p>
--	--	------------------------------------	--

<p>18. Одинаковая обязательность труда для всех, учреждение промышленных армий, в особенности для земледелия</p>	<p>Нет</p>	<p>Один из программных пунктов «Манифеста коммунистической партии».</p>	<p>В записке «Десять тезисов о советской власти», представленной VII съезду партии, Ленин формулировал задачу: «Немедленный приступ к полному осуществлению всеобщей трудовой повинности с наиболее осторожным и постепенным распространением её на мелкое, живущее своим хозяйством без наёмного труда крестьянство». Троцкий: «Доводы, которые здесь были направлены против организации трудовой армии, они целиком направляются против социалистической организации хозяйства в нашу переходную эпоху. Если принять за чистую монету старый буржуазный предрассудок, или не старый буржуазный предрассудок, а старую буржуазную аксиому, которая стала предрассудком, о том, что принудительный труд не производителен, то это относится не только к трудармии, но и к трудовой повинности в целом, к основе нашего хозяйственного строительства, а стало быть к социалистической организации вообще» (Протоколы IX съезда РКП(б)). Март-апрель 1920 года. В гл. X книги Н.Бухарина под названием «Внеэкономическое принуждение в переходный период» говорится: «...по отношению к некулацкой крестьянской массе принуждение со стороны пролетариата есть классовая борьба, поскольку крестьянин есть собственник и спекулянт». Но вопрос, оказывается, имеет и более высокий аспект: «С более широкой точки зрения, пролетарское принуждение во всех своих формах, начиная от расстрелов и кончая трудовой повинностью, является, как парадоксально это ни звучит, методом выработки коммунистического человечества из человеческого материала капиталистической эпохи».</p> <p>Эти построения далеко не были чистой теорией. Всеобщая трудовая повинность действительно была объявлена. Вместо отменённых паспортов для всего трудоспособного населения были введены трудовые книжки. В Москве и Петрограде всякий, выходя на улицу, был обязан иметь трудовую книжку при себе. К моменту введения</p>
--	------------	---	---

			<p>НЭПа было организовано 8 трудовых армий.</p> <p>Метод трудовых армий в несколько видоизменённой форме широко применялся в СССР вплоть до последних дней советской власти. Вывоз промышленных предприятий, НИИ и учебных заведений на сельхозработы, отправка на пищекомбинаты и овощные базы – не что иное, как организация трудармий. Далеко не все жаждали ехать в колхоз или идти работать на овощную базу. Любопытно то, что в некоторых случаях и сами колхозы были против, поскольку огромные оравы горожан приходилось кормить из колхозного кошта, а производительность трудармий оставляла желать лучшего. Но приказы партии приходилось выполнять. Что касается уклоняющихся от трудовых армий «отдельных несознательных» индивидуумов, то их вполне могли покарать: исключить из института, уволить с работы, лишить премии или заслуженного продвижения по службе. Я знал одного уважаемого учёного, разработчика танковой брони, так тот, будучи возмущённым тем, что его отрывают от основной работы, которая к тому же входила в разряд засекреченных и государственно важных, выражал свой протест довольно оригинальным способом. Как правило, в упаковку товаров, фасуемых на пищекомбинате, вкладывается специальная бирка, на которой указывается дата фасовки и фамилия (или номер) фасовщика. Мой знакомый писал на своих бирках: «Фасовщик – доктор технических наук, лауреат государственной премии профессор Каплин».</p>
--	--	--	---

Самым большим разочарованием повторного штудирования первоисточников для меня явилось даже не подтверждение впечатлений юности. Этого можно было ожидать, и это можно пережить. Главное, что обескураживает – это то, что и сегодня, через двадцать лет после позорного завершения самого масштабного и самого кровавого марксистского эксперимента, всё ещё находятся люди, рьяно встающие на защиту «коммунистических идеалов» - при том, что у «классиков» не удаётся найти ни одного, пусть второстепенного, тезиса, который предлагал бы взамен личностной свободы что-нибудь, кроме ада рабства и беспросветного унижения. Какие светлые дали видятся поклонникам Маркса в столь желанной для них победе коммунизма? Вечеринка закончилась, как заканчивается всё на

свете, но мой главный вопрос к оппонентам по спору так и остался без ответа. В чём для них состоит красота коммунистической идеи? В централизации транспорта? В экспроприации земли? В общности жён? Может быть, в отмене права наследования? В чём?